

СЕРГЕЙ ФИЛИН: «Я ВЕРНУСЬ»

Машка очень смешная, легкая и добрая, она вся словно светится изнутри. Благодаря этому свету я ее разглядел и полюбил. Как-то мы сидели с ребятами, обсуждали молодежь, которая пришла в театр, дошли до Маши.

дом за собой затащила. Не могу же я остаться на берегу, если девушка плывет и холода не боится!

Приехали в Верону. Прямо напротив дома Джульетты находится магазин Armani. «Давай, — говорю, — разделим наши удовольствия, и каждый

вушки рядом со мной, ужасным, быть не может. А ужасен я тем, что когда работаю, лучше меня не трогать — целое будешь, а уж если влюблюсь, то не остановить — не знаю удержу. Все вокруг говорили: зачем тебе очередная «другая»? Но если эта другая мне

Охранник принялся оттирать меня снегом, а я все время спрашивал Володю: «У меня череп уже видно?» — «Какой еще череп?! Глаза спасай!»

«А! Это та, которая все время улыбается!» — сказал кто-то.

Мне нравится, что она неугомонная и живет с удовольствием. Вот картинка с натуры: приезжаю я как-то на гастроли в Будапешт, иду, значит, неспешно по центру города, гуляю по пешеходной улице вдоль Дуная, дышу кислородом и вдруг замечаю, что мне навстречу с неизменной улыбкой идет... Маша. Приближается и говорит как ни в чем не бывало:

— Привет!

— Привет! — отвечаю. — А ты здесь как? Откуда? Что?!

— А я ничего. К тебе пришла. Сегодня же четырнадцатое февраля, День всех влюбленных.

Ведь здорово, правда? Маша легка на подъем и готова к любым авантюрам: «Пойдем?» — «Пойдем!» — «Поедем?» — «Поедем!» Ползла в самое холодное в мире озеро Гарда купаться. И меня сле-

получит все, что ему нужно. Тебе — балкон, мне — бутик. Потом обменяемся впечатлениями». Нет, она потащила в музей, чтобы меня там постигло страшное разочарование. Я-то по наивности думал, что балкон находится в спальне Джульетты, а тот, оказывается, примыкает к огромной кухне с гигантской многоконфорочной плитой. И кому, спрашивается, Ромео пел серенады? Обжоре?

Каждое утро, видя Машу, не могу понять: что-то уже очень долго я ее люблю — перебор, на меня совершенно не похоже. «Тринадцатый год пошел, — говорю ей, — это ненормально». Обычно у меня все как-то быстрее заканчивалось.

Поначалу я искренне убеждал Машу меня разлюбить и бросить. Смотрел на нее и думал, что она слишком хорошая. Вообще хорошая и для меня в частности. Такой де-

нравится, не понимаю: что значит «зачем»? Хочу!

Я очень любил Инну, маму Дани. Когда у нас начинался роман, каждый вечер приходил домой с цветами. Минимум это была одна роза, но самая дорогая и красивая на всем рынке. Каждый раз, собираясь нажать на дверной звонок, думал: «Сколько же это продлится? Неужели когда-нибудь закончится?» Увы... Но я не вычеркнул Инну из своей жизни и никогда этого не сделаю. Продолжаю общаться с Даней и к его маме отношусь тепло и уважительно. Инна много работала, родила мне замечательного сына и всегда поддерживала. И сейчас они очень переживают за меня. Но так устроена жизнь: бывает, люди расстаются. Это происходит со многими парами. Объяснить почему не умею, пытаюсь искать ответы в литературе, кинематографе и



понимаю лишь, что так происходило во все века. Поэтому я боялся, что и с Машей у нас может случиться то же самое. Мучить ее не желал — столько уже измучил. Она была другой, и в роли покинутой и страдающей я видеть ее никак не хотел.

«Беги от меня, — говорил ей. — «Я страшный человек: тиран, деспот, коварен, капризен, злопамятен», — цитировал ей короля из «Обыкновенного чуда» в исполнении Евгения Леонова. Были моменты, когда мы принимали решение общаться исключительно как коллеги и друзья. У нас не было секса.

Маша, наверное, хотела, но крепилась. И я пытался быть порядочным и держался. А потом начинал скучать, хотел услышать ее смех, заглянуть в глаза и делать какой-нибудь подарок. И все начиналось по новой. Я до сих пор стараюсь радовать любимую сюрпризами.

Маша никогда не признается, чего ей хочется, и никогда ничего не просит. Ее нужно пытаться с пристрастием. Недавно после долгих приставаний выяснил: она хочет нечто большое и белое. И я подарил ей машину. Очень большую и ослепительно белую, с прозрачной крышей.

По моей просьбе в автосалоне ее празднично украсили, обвязав шариками. Мы приехали с Машей вместе. «Вот, — говорю, — тебе большое и белое. Как ты хотела...»

Для меня важно, когда женщина не жалуется, не кричит, не охает, что трудно и сложно. Я вижу, что Маше непросто — на ней быт, дети, работа, но никакого недовольства не ощущаю. Вечером дома меня всегда ждет вкусный ужин, а утром — чудесный завтрак. Я могу не успеть поесть, но это уже другой вопрос. Главное, что все делается тихо, молча, без тяжелых вздохов и ворчливых комментариев.

Конечно, Маше стало сложнее в театре, когда меня назначили худруком. Муж-руководитель — это даже не народный артист и премьер балета, это гораздо хуже. На разных чашах весов постоянно ока-

зываются семья и работа. Сначала, она придет ко мне в кабинет, а я ее даже не замечаю, весь в заботах о театре. Маша посидит-посидит тихонько в уголке, пока я с друзьями разговариваю, и уйдет.

Кроме того, окружение — друзья жены, подруги — прожывает себя по-разному. Любое ее движение вызывает разнообразные комментарии и рассуждения. Станцует она новую маленькую партию, ре-

В Аахене Маше тяжелее, чем мне: я не вижу себя со стороны. Не знаю, что было бы со мной, если бы имел возможность себя разглядывать



акция следует незамедлительно. Спасает лишь то, что Маша хорошо танцует. Но ожидать, что она из солисток устремится куда-то вверх, глупо. Я приводил Маше примеры, когда жены после назначения мужа на должность покидали театр. Наверное, есть и другие случаи, когда жены из солисток превращались в прекрасных лебедей. Но это очень некрасивая история. Если бы Маша могла быть Одеттой — Одиллией, она бы стала ею до того, как я превратился в худрука. Она занимает достойное, а главное — свое место в труппе. Если бы жена требовала от меня каких-то невероятных ролей, это уже была бы не моя Маша.

Требовали другие, и нечеловеческая их злоба вылилась в то, что произошло со мной семнадцатого января...

Когда возникший из темноты отморозок плеснул мне в лицо кислоту, я почувствовал дикую, невыносимую боль. Чисто инстинктивно набрал снега и приложил к лицу. Стало легче. Я снова и снова тер снегом лицо, врачи говорят,

что этим спас глаза. Сейчас иногда с ужасом думаю: а что если бы снега не было? Что бы я делал? Терся от боли об асфальт?

Когда смотришь триллеры или ужастики, так и подмывает возмутиться нерасторопностью героев: «Что ж ты не ушел? Почему не среагировал быстрее? Присел бы или привстал!» Другое дело, когда это происходит с тобой. Страшно и невероятно, но от тебя ниче-

го уже не зависит. После ожога кислотой я перестал видеть, не понимал, куда иду, не мог воспользоваться ни одним предметом, к которым привык. Казалось бы, в руке зажат айфон. Вот он, верный и надежный, выручавший меня столько раз, но сейчас-то я ничего не вижу, а кнопок на аппарате нет. Чем он поможет? Я кричал «Помогите!», но никто ко мне не подошел. Метания по двору для меня сли-

лись в вечность. Я все время падал и обо что-то ударялся. Потом уже понял, что это были припаркованные машины. Один раз, падая на спину, чтобы не разбить затылок, выставил руки и выронил телефон. Белый на белом снегу, он пропал навсегда, хотя тогда я и черный вряд ли бы разглядел. Минут через пятнадцать я совершенно обессилел от боли. Мне казалось, что кожи на лице уже нет. Когда добрался до

Упросил врачей повременить с операцией, когда узнал, что приедут дети. Должен был их видеть хоть чуть-чуть, хоть одним глазком



охранника в будке, он принял-ся оттирать меня снегом, а я все время спрашивал Володю:

— У меня череп уже видно?

— Какой еще череп?! Глаза спасай!

Я читал когда-то про девочку, которую облили кислотой после конкурса красоты, видел ее фотографии. И понимал, что то же самое происходит сейчас со мной. Я дико

койно с Машей, знаю, она может всем, чем может. А я люблю ее. Любил даже когда совсем не видел. А теперь, с одним прозревшим глазом, уж тем более!

Мне всегда нравился ваш журнал, возьмешь с собой в отпуск и лежишь на пляже, читаешь: столько интересных историй! У этого любовный роман с той, у той с этим... Ко-

существовании, не ведал сомнений. И это новое в себе берегу и бесконечно люблю Машу, благодаря которой узнаю себя иного.

Что нужно человеку? Что-бы кто-то родной был рядом. Годы проходят, и понимаешь: главное, чтобы было надежно и спокойно. Лишь у немногих пар влюбленность перерастает во что-то большее.

Маша поможет всем, чем может. А я люблю ее. Любил даже когда совсем не видел. А теперь, с одним прозревшим глазом, уж тем более!

замерз от ушатов снега, которыми меня закидывал охранник, благодаря им у меня сохранились ресницы и веки, но за правым ухом на щеке образовались самые сильные и глубокие раны — все, что я смывал, стекало за воротник.

Я попросил охранника: «Позвони Маше, пусть придет». Когда она прибежала и взяла меня за руку, я словно обрел почву под ногами. Маша, конечно, плакала. Я все время спрашивал, как выгляжу, а она отвечала, что все хорошо.

Меня привезли в больницу, и я с порога сказал врачам: «Не останусь здесь, если не разрешите Маше быть рядом». А когда отправляли в Германию, заявил: «Если ты не полетишь, тоже останусь и буду лечиться в России».

С тех пор она все время со мной, и я не представляю себя без нее. А что еще мужчине нужно? Чтобы любимая женщина была рядом. Мне спо-

нечно, секс важен, без него нет жизни. Секс — взрыв, сочетающий фантазию с реальностью, когда кажется, что такого никогда ни у кого не было. А чего «такого» — сам толком не знаешь. В подобном состоянии человек летит, парит. Секс — адреналин жизни. Для меня это всегда было так. Но любой секс рано или поздно приедается — даже очень хороший, даже безумный. И что тогда?

Не стану утверждать, будто Маша невероятно красива или у нее сногшибательная фигура. Каждый раз, когда оказываюсь один в другом городе, у меня есть возможность уйти в отрыв. Соблазн велик, человек слаб... Но я не могу. Вот не могу — и все. С некоторых пор не понимаю, зачем мне надо идти куда-то с кем-то, когда дома ждет жена. И этот сдерживающий фактор бесценен. До появления Маши в моей жизни я не знал о его

К Маше мне по-прежнему хочется проявлять внимание, наверное потому, что она дает мне почувствовать, как ей это нужно.

Недавно ко мне в аахенскую больницу приехал родственник. Узнав, что я выдержал уже двенадцать общих наркозов и не испугался, он тоже решил прооперироваться. А у него в Москве жена на сносях. И мы стали обсуждать, делать ему операцию или нет, вдруг он на роды не успеет. Даже если успеет, то помочь ничем не сможет, потому что будет весь забинтованный.

— А вот ты бы, Серега, уехал, если бы Маша рожала? — спрашивает меня он.

— Ты где «сломался»? — говорю я в ответ. — На лыжах месяц назад? Если бы Маша ждала ребенка, я месяц назад вообще не поехал бы в горы. Мало ли что может случиться.

Маша рожала Сашу, потом Сережу, и оба раза я был ря-

дом. Не потому что мне страшно интересно. Понимал: для женщины это огромный шаг в неизвестность и боль. Я поставил себя на ее место и подумал: если бы сам рожал, хорошо, если бы Маша была рядом. Когда ей было больно, она морщила лоб — она вообще часто это делает, родители ее ругают, а я — нет. Пусть

леньким глазиком, прихожу в ужас.

Я упросил врачей поменять с очередной операцией, когда узнал, что сюда на школьные каникулы приедут дети — Саша и Сережа. Должен был их видеть хоть чуть-чуть, хоть одним глазком. Встретил сыновей, а на следующий день мне сделали опе-

Если уйду, получится, что те, кто облил меня кислотой, добились своего. Они хотели, чтобы я стал уродом, отступил, сдался. А я вернусь

морщит, если ей так хочется. Ее это не портит. «Пока», — шутит она.

Сейчас жена рядом со мной, по срокам пребывание в немецкой клинике скоро вполне сравнится с полноценной беременностью. Надеюсь, когда я, наконец, «рожу», это даст мне возможность видеть свою семью и работать.

Маша всегда рядом: водит меня на процедуры, каждые пятнадцать минут, когда айфон подает сигнал, закапывает лекарство в глаза. Я не говорю всякий раз спасибо, но бесконечно ей благодарен. В Аахене Маше тяжелее, чем мне: я не вижу себя со стороны. И не знаю, что было бы с моей впечатлительной актерской натурой, если бы имел возможность себя разглядывать. Уже от одних рассказов доктора, что он собирается делать с моим ма-

рацию и оба глаза зашили, поставили мембраны. Мальчишки очень трепетно заботились о папе, водили меня за руку, вкладывали в ладонь нужные предметы. Жду лета, когда увижу их снова. А пока слушаю по телефону: «Папочка! Как твои глазки?»

Мой слух после случившегося обострился невероятно. Слышу каждый шорох, и глаза непроизвольно дергаются, звуки бьют по нервам. Особенно мучительно засыпать.

— Попробуй вставить беруши, — советует Маша.

— Ага, — говорю, — давай еще уши мне заткнем! Останется только перекрыть дыхание.

Это я так шучу. Тонус в себе поддерживаю. Болеть всегда неприятно, но я упорно иду к выздоровлению, делаю все, чтобы восстановить зрение и вернуться в Большой. Мои пла-



ФОТО: А. СИНЕНКО

ны расписаны до 2016 года. Несмотря на то, что произошло, хочу, чтобы все это со-



стоялось. Если уйду, получится, что те, кто облил меня кислотой, добились своего. Они

хотели, чтобы я стал уродом, ослеп и отступил, сдался. А я вернусь.

Записала Анна Ванденко
Лахен, университетская
клиника Uniclinic — Москва